

АННА МОРСКАЯ

ВТОРОЙ ШАНС
ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

Анна Морская

Второй шанс для принцессы

«Литнет»

2026

Морская А.

Второй шанс для принцессы / А. Морская — «Литнет», 2026

Родиться в правящей семье — не только привилегия, но и ответственность. Я, как наследная принцесса великой империи, свою понесла сполна, став залогом мира и закончив жизнь на эшафоте. А все почему? Потому что я предпочла доверить собственную жизнь другим. Но мне дали шанс попробовать еще раз, взять все в свои руки и изменить не только свою судьбу, но и не дать отцу утопить наш народ в крови. И в этот раз я не позволю никому решать за меня. Начнем с того, чтобы сделать человека, который отвел меня на эшафот, союзником, а не врагом, которого я боялась. Одиночник, обязательный ХЭВ тексте вас ждут: ♥# Нестандартный магический мир ♥# Юная, но не глупая героиня ♥# Властный, но адекватный герой ♥# Сцены 18+

© Морская А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Лорелин, Западный зендарийский тракт

Дверь в крохотную комнатку трактового постоянного двора сотряслась от грохота.

— Именем императора великой Зендарии откройте немедленно! — громогласно возвестил грубый мужской голос.

Я досадливо поморщилась. Совсем не рассчитывала, что буду обнаружена так скоро.

Готовая слететь с петель дверь внезапно угомонилась.

Не сама по себе, конечно, просто капитан императорской гвардии, наверное, вспомнил, как в свое время отвечал на тысячу и один глупый вопрос маленькой проказницы-принцессы, и как помогал ей прятаться в управлении от нянечек-квохтушек.

— Магосозидатель первого ранга Лорелин, вы обвиняетесь в государственной измене, — объявил он уже совершенно спокойно. — Повторяю, откройте немедленно, иначе мы будем вынуждены применить силу.

Вот так вот.

Ни титулов, ни длинной династической вереницы, составляющей мое имя когда-то очень давно. Просто Лорелин. Ну, оно и к лучшему, пожалуй. Все, что мне нужно сейчас — это немного потянуть время.

Приблизившись к двери, я негромко, но совершенно отчетливо произнесла:

— Здравствуй, Геворг.

Гробовое молчание за тонкой дубовой перегородкой возвестило, что двумя словами я добилась, чего хотела.

Мужчина растерялся.

— Вы меня уже и развенчать успели? — я позволила себе тихий смешок. — Расскажи-ка, старый друг, в чем именно меня обвиняют?

Конечно, мне и так это было известно. Но по закону он был обязан ответить на этот вопрос.

— Вы обвиняетесь в разглашении информации, которая может повлечь за собой нарушение безопасности империи и членов императорской семьи. Вы признаны перебежницей, виновной в ограблении императорской сокровищницы, организации побега особо опасного военнопленного, а также соучастницей диверсии на западном рубеже.

Честно говоря, от перечисления собственных заслуг, пускай я и в курсе каждого пункта, немного закружилась голова.

Я слотнула, чтобы увлажнить напрочь пересохшее горло.

— Неплохой послушной список, не так ли? И что же мне грозит, Геворг?

Бесконечно долгие секунды тишины.

— Казнь, Лорелин, — глухо ответил мужчина.

Конечно, и этот его ответ я прекрасно знала. Но злость, которая, как я думала, давно улеглась где-то в самой глубине души, все равно поднялась наверх, ударив прямо в грудь, заставив все внутри сжаться.

— Тогда скажи теперь, дорогой друг, есть ли хоть одна причина, по которой я должна хотеть открыть тебе и твоим подчиненным дверь?

— Если в тебе осталась хотя бы крупинка принцессы, которую я... которую мы все знали, то причин предостаточно.

Захотелось зло захохотать.

Вам может показаться, что глава императорской гвардии даже слишком мягко говорит с такой ужасной преступницей, виновной в стольких кошмарных преступлениях. Но мы-то с ним оба знаем, кто на самом деле виновен и в чем.

— Не осталось от нее ничего, Геворг, ни капли не осталось. Вы убили ее.

— Это неправда, Лорелин, — надтреснутым голосом возразил мужчина за дверью. — Мы бы обязательно тебя спасли, нужно было только дожждаться, но ты решила иначе. И тебе придется за это отвечать.

Тут я не выдержала, и все-таки рассмеялась, горько и зло, так же, как тогда, в первой жизни, когда умирала, но никто так и не пришел. Когда враг, которого я столько времени ненавидела, пытался придумать, как сохранить мою жизнь, а семья решила, что судьба одной принцессы не стоит рисков для целой империи.

А ведь я верила, до самого конца. Верила в них, а не того, кто на самом деле пытался. Хоть и не должен был, хоть и не услышал от меня ни единого хорошего слова.

— Наглая. Бессовестная. Ложь, — отчеканила я, когда смогла взять себя в руки. — Но это уже неважно.

Да, остались считанные минуты, может, и меньше. И в этой жизни мне есть за что бороться, и ради чего жить.

Спросите, как я оказалась в такой ситуации?

О, это крайне занимательная история, к сожалению, написанная кровью. Моей кровью. И да, эту жизнь я живу уже не в первый раз.

*
 Из дневника Лорелин Гильяны Артурии, наследной принцессы Зендариш*

Сегодня мой последний день дома. Так странно.

Почему-то кажется, что это просто мой последний день. Не верю, что впереди меня может ждать хоть что-то хорошее. Не думаю, что когда-нибудь вернусь. Но должна, просто обязана гнать подобные мысли прочь.

Отец говорит, что есть какой-то план, что меня обязательно спасут, и надо только потерпеть. Надо быть сильной ради свободного и мирного будущего, ради каждого жителя империи, ради него, ради матери, в конце концов. Он сказал мне об этом вчера, когда мы остались вдвоем. Но сейчас мне пришла в голову странная мысль: а почему я должна ради всех, кроме себя?

Маряна все время плачет, делает это, когда думает, что я не вижу. Я и правда не вижу, но вот постоянно заплаканные глаза говорят сами за себя. Мне приятно, что она так дорожит мной, но в то же время злит. Нет сил пережить еще и за нее.

В любом случае, завтра все случится. Завтра я стану залогом безопасности для Зендариш. И видит Двудиная Матра, я хочу верить, что некий план у отца действительно есть.

Маряна снова забыла заточить мои карандаши.

Глава 1

Лорелин, императорский дворец Зендариин

Очень темно и очень холодно. Но мне не страшно, потому что в бесконечном ничто нет ни боли, ни страха, даже мысль не существует, только ее тень.

За мгновение до слияния с этим безграничным и непостижимым ничем крохи растворяющегося сознания еще успевают подумать:

«Как мучительно, оказывается, жить. Может ведь быть намного легче, когда нет ничего».

Но вместо манящей легкости последовала яркая вспышка.

С громким криком я открыла глаза и почувствовала, как больно пальцам, сжимающим шелк простыней.

Мои покои заливал нестерпимо яркий солнечный свет.

— Ваше высочество!

В комнату вихрем шуршащих юбок ворвалась Маряна.

Ох, именно ее мне не хватало больше всего этот бесконечно долгий год.

Стоп.

— Ваше высочество, что случилось?!

Маряна никогда не была для меня прислугой. Мы выросли вместе, и эта искренняя девушка воспринималась мной как подруга, может, даже сестра, не меньше.

Сейчас она без стеснения забралась с ногами на постель, сжала горячими руками мои холодные ладони и с беспокойством вглядывалась в лицо.

— Что происходит? — я зажмурилась от нахлынувшей головной боли. — Как я здесь оказалась?

Глаза Маряны наполнились слезами.

Она так сильно скучала и рада меня видеть? Но почему я здесь? Как я оказалась дома? Я ведь умирала, я знаю, что должна была умереть.

— Тебе приснился плохой сон, Лора? Не переживай, ты дома. Пока что еще дома.

И тут Маряна разрыдалась во весь голос, как ребенок. Как раз за эту искренность, такую несвойственную людям при дворе, я всегда любила ее.

— Маряна, успокойся, — я высвободила руки и с усилием помассировала виски. — Что значит «пока»? Как я вообще попала домой?

Девушка притихла. Ее глаза, наполненные слезами, смотрели на меня с полным непониманием. А затем, как и всегда, слова полились из подруги рекой, и моя тяжелая голова принимала этот поток с большим трудом.

— Лора, ты о чем? Вчера ты прогнала всех, и наверное, сразу легла спать. Я видела, как погас свет, ни звука из твоих покоев не доносилось.

Да, когда-то такое было. Из моих покоев не доносилось ни звука. Потому что прежде чем начать кричать, как сумасшедшая, проклиная жизнь, отца, темных мастеров и вообще все, что со мной произошло, я использовала свой последний звукопоглотитель.

Только это было очень давно, кажется, целую жизнь назад. И эта мысль прогремела в моей голове, как гром.

— Уже пора вставать, мы опаздываем, — продолжала подруга. — Я и так собиралась тебя будить, и вдруг этот крик...

— Скажи, Маряна, — я сглотнула. — Куда мы опаздываем?

— Как куда? Делегация прибудет в полдень, ты должна быть полностью готова. Вещи мы уже собрали, но будет большой прием, и... и... как твой отец это допустил?! Почему мы

должны поить и кормить этих тварей после всего... Они же заберут тебя, его единственную дочь!

Глаза подруги вновь наполнились слезами.

Она продолжила причитать, но слова девушки превратились для меня в фоновый шум. Слишком шокирующим оказалось происходящее.

В прошлой жизни я бы плакала вместе с Марьяной, нашла бы в себе силы, чтобы в конце концов успокоить нас обеих. А в этой я не слышала и половины ее слов, потому что пыталась осознать совершенно невозможную вещь.

Я вернулась в свое прошлое, в тот самый день. Только все мое существо кричало о том, что это невозможно, просто не может быть. Так не бывает!

После смерти мы попадаем в чертоги Матры, чтобы уйти с этой земли навсегда. Никто не знает, что происходит дальше, ведь из-за черты еще никто не возвращался.

Получается... кроме меня?

— Это какой-то бред, — пробормотала я, прервав словесный поток подруги. — Я что, сплю?

Теперь она посмотрела на меня с совершенно другим, но так же нескрываемым беспокойством. И ее можно понять: если я и правда вернулась в прошлое, мое поведение должно быть совсем другим.

Помню, как было тревожно и даже страшно, как я старалась скрыть ужас от ожидавшей меня судьбы.

Принцесса, отданная врагу в качестве залога и подтверждения капитуляции в не успешей даже толком начаться войне.

— Марьяна, оставь меня одну.

— Но...

— Дай мне немного времени, мы все успеем.

По взгляду подруги я поняла, что она совсем не хочет подчиняться, но и перечить не может.

У самой двери Марьяна обернулась и, не скрывая беспокойства, сказала:

— Позови, когда будешь готова. Если захочешь, я подготовлю тебя одна.

Я кивнула и слабо улыбнулась, давая понять, что все в порядке. Но стоило створкам дверей закрыться, и я с замиранием сердца провела рукой по волосам, стянутым в тугую косу на затылке. И тут же вскочила, бросившись к зеркалу.

Да, я определенно вернулась в прошлое.

Дело в том, что вчера вечером в резиденции дияра этой самой косы я лишилась. Ее обрели перед казнью. Можно объяснить что угодно, но не это.

Руки задрожали. На ватных ногах я подошла к письменному столу и не села — упала в кресло. Все было таким знакомым и таким далеким одновременно, родным и чужим.

Пальцы привычным жестом нажали на потайной замок, механизм щелкнул, открыв один из ящиков. Внутри лежал гербовый пергамент с постулатами, которые сегодня мне и отцу предстояло произнести перед народом столицы.

Согласно документу, правящая династия Зендари отрёкалась от абсолютной власти в пользу дияров Конклава — объединенного правительства темных мастеров, которое в дальнейшем планировало пройти огнем и мечом по всему континенту.

Впрочем, капитуляция оказалась лишь частью одного большого плана. А я... я стала гарантом того, что династия Артуриев не поднимет бунт, пока внимание Конклава направлено на продвижение вглубь континента.

Кто бы знал, чем все в итоге обернется.

Пальцы невольно сжались на бумаге, помяв края. Могу ли я винить себя в чем-то? Ведь тогда, то есть сейчас, в день моего девятнадцатилетия, я, как и все, верила, что темные мастера

— это воплощенное зло. И еще верила, что отец не допустит моей смерти. Готовилась к страданиям, к лишениям, но не к холодной и безмолвной темноте.

— Маряна! — громко позвала я.

Подруга, судя по всему, стояла под дверью все это время, потому как явилась буквально через секунду.

— Да, ваше высочество?

— Зови горничных. Сегодня я хочу выглядеть лучше, чем когда-либо.

Глаза Маряны округлились. Не удивительно, ведь для нее только вчера мы обсуждали, что выберем самый скромный наряд и подберем траурную вуаль.

— Лорелин, ты уверена?

На моих губах заиграла усмешка.

— Никогда не была так уверена, как сегодня.

Не знаю пока, как именно поступлю, но точно не позволю своей печальной истории повториться. И отцу утопить империю в крови я не позволю тоже.

Глава 2

Сказать, что мой внешний вид шокировал всех — не сказать ничего.

Марьяна и горничные расстарались, создав из меня без малого шедевр зендарийской моды. Настолько яркий, что даже я почувствовала себя не в своей тарелке. Особенно после стольких месяцев, когда мне пришлось забыть и о роскошных нарядах, и обо всем, что к ним прилагается.

Только одна деталь меня не вполне устроила — огненно-алый цвет выглядел, пожалуй, уж слишком вызывающе.

Раньше исправить его не составило бы большого труда: все-таки мне повезло родиться хоть и посредственным, но магосозидателем, способным менять свойства предметов вокруг себя.

Однако, попытавшись привычно прикрыть глаза и обратиться к сути ткани, я обнаружила, что не вижу совершенно ничего. Ни малейшего отблеска хотя бы самых поверхностных параметров.

По всей видимости, даже для вернувшихся к жизни смерть не проходит бесследно. Но лучше уж так, чем быть мертвой — это точно.

Хотя не могу сказать, что потерю магосозидания пережить легко. Как оглохнуть на одно ухо: вроде бы все по-прежнему и жить можно, но полноценным себя уже не чувствуешь.

Хочется верить, что это временно, но в глубине души я знаю — нет. Такие случаи уже бывали, я читала о них. И насколько мне известно, когда-то очень давно это могли исцелять темные мастера. Только вот кому, как ни мне, знать, что от них помощи ждать придется едва ли.

В итоге струящееся красное платье я решила оставить. Оно выгодно подчеркивало достоинства фигуры — тонкую талию, хрупкую линию плеч, а вышитый лиф, не выходя за рамки приличий, демонстрировал не слишком большую, но высокую грудь.

Кто бы что ни говорил, а заводить дружбу гораздо проще, когда ты симпатичен человеку, особенно если ты женщина.

Я обвела взглядом собравшихся в парадной зале людей.

Сотни лордов и леди. Если бы не капитуляция, они бы приехали сюда со всех концов империи, чтобы отметить день рождения наследной принцессы, мой день рождения. Но в этот раз повод получился отнюдь не радостным.

Некоторые представители знати не скрывали презрения и за спиной перешептывались, что Артурии предали себя и свой народ.

Помнится, в прошлый раз меня, демонстрирующую траур, приняли куда более тепло.

Впрочем, недовольство людей понятно. Как много мне самой учитель истории рассказывал об ужасах тех времен, когда одаренных темным мастерством ссылали в пустоши за страшные преступления? Как рьяно он объяснял, какими мрачными и противоестественными талантами они наделены?

Эксперименты над живыми людьми, навсегда превращавшие их в отдаленное подобие человека, надругательство над усопшими... Много историй, больше напоминавших очень страшные сказки.

Честно говоря, мне и самой пока не очень понятно, как я собираюсь налаживать дипломатические отношения с кем-то подобным. Однако именно этим я и собиралась заняться.

Во-первых, умирать мне совершенно не понравилось, и хотелось бы эту судьбу не повторить. Если в прошлой жизни я покорно приняла роль жертвы, которая только и делала, что ждала, пока великий отец и его генералы как-нибудь да все разрешат, то в этой я точно знаю, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, и никак иначе.

А во-вторых... На самом деле очень странно проснуться здесь. Где все еще хорошо, где лорды и леди могут позволить себе нарядиться в лучшие наряды и явиться во дворец. Где Маряна плачет по моей судьбе, а я ведь даже не знаю, удалось ли ей вообще выжить в том аду, в котором меня казнили.

В плену до меня доходило крайне мало новостей, но и тех, что долетали, было достаточно, чтобы волосы вставали дыбом по всему телу.

В том конфликте, который в конечном счете разжег отец, поступившись ради этого моей жизнью, погибла половина населения империи.

Причиной были не только бои: будто по велению злого рока на Зендарию свалились и другие беды — по какой-то причине весь урожай на полях сгнил, оставив людей без еды, а следом пришло моровое поветрие. Если бы не война, наверное, мы как-то справились бы, но со всеми трудностями одновременно страна совладать не смогла.

И мне известно, что лучший способ остановить кровопролитие — это не допустить его причину. А для этого я должна стать Конклаву если не союзником, то, по крайней мере, голосом, к которому имеет смысл прислушаться.

Другой вопрос, способен ли на это кто-то вроде меня? Совсем молодая, почти юная принцесса, не видевшая ничего, кроме дворца, еще и потерявшая способности к магосозиданию. Прислушается ли ко мне хоть кто-нибудь?

Вернее, кое-кто конкретный.

Чего уж греха таить, меня до дрожи пугала встреча с человеком, который стал главным источником ужаса в моей прошлой жизни. Который, однако же, зачем-то, по совершенно непонятной мне причине, предпринял попытку сохранить эту самую жизнь. И который теперь мог стать ключом к тому, чтобы переписать историю.

Отец незаметно сжал мою руку, и мне пришлось приложить невероятные усилия, чтобы не выдернуть ее сию же секунду.

— Все будет в порядке, Лорелин, верь мне, — твердо произнес он.

Уже поверила один раз, и ничем хорошим это не закончилось.

Так мне хотелось сказать. Но я лишь слабо улыбнулась, всей душой желая, чтобы все побыстрее закончилось.

Опытным путем я выяснила, что никому рассказать о своем перерождении не могу. Чтобы проверить догадку, я попыталась поведать о случившемся Маряне и потом сослаться на то, что такой мне приснился сон, но не смогла выдавить из себя ни слова. Так что, этому факту моей биографии придется остаться в тени.

Наверное, отец и правда верил в собственные слова, что тогда, что сейчас. И как наследная принцесса, которую с пеленок учили, что интересы народа должны всегда стоять над интересами личными, я могу понять выбор, который он сделал в конце концов.

Если бы его действия и правда принесли мир империи, я смогла бы это принять. В конце концов, я — урожденная принцесса Зендари, наследница престола, и таков мой долг.

Но если совсем честно, то размышлять о высоких идеалах легко, а по-настоящему быть вроде как любимым ребенком, которого принесли в жертву истории — не очень.

И несмотря на все понимание, пока я все же не могу справиться с этим мерзким чувством, с осознанием, что самые близкие люди вот так просто взяли и отправили меня на смерть. Не предупредив. Не подготовив. Убедив в обратном.

В конце концов, меня казнили потому, что отец нарушил заключенный договор и фактически объявил Конклаву войну. Подло. Грязно. Исподтишка. А цену уплатил непомерную — ладно бы только моя жизнь, но ведь вся империя захлебнулась в крови.

Вероятно, единственный выход для меня — предотвратить эти события на корню. К счастью, я знаю, что именно стало точкой отсчета для всех нас.

Внезапно многоголосый гомон сменился оглушающей тишиной. В ней особенно остро прозвучал голос церемониймейстера.

Старик должен был представить каждого, но ограничился тем, что просто объявил прибытие представителей Конклава.

Я совсем забыла об этом и помрачнела. Так и рождается взаимная ненависть и вражда — из неуважения сторон друг к другу.

Зендарийская знать расступилась, образуя коридор, по которому к трону проследовала мрачная делегация. Одетые в военную форму, они тяжелой поступью двигались вперед, и веяло от них холодом и кровью.

И тогда я увидела его. Мужчину, которого целый год просто до смерти боялась, холодного, равнодушного и, как мне казалось, безупречно жестокого.

Есть особый сорт жестокости, когда человек не испытывает ни капли удовольствия от чужих страданий, но всегда поступает так, как будет оптимально. Без оглядки на мораль, сострадание и прочие вещи, которые делают нас людьми.

Таким он мне и казался. До самого вечера перед казнью, когда я узнала, что он просил ее отменить.

— Дияр Кассиан, — прошептала я так тихо, что даже стоявший рядом отец не услышал. И тут же вздрогнула.

Такого не могло быть, но дияр словно услышал свое имя, хотя нас разделяло не меньше пары десятков метров.

В ту же секунду, как оно прозвучало, мужчина поймал мой взгляд. Его глаза, похожие на два осколка весеннего льда, впились в меня так цепко, что по спине пробежал холодок. В этом взгляде не было ни угрозы, ни вызова — только бесконечная, почти пугающая пронизательность.

И я, чувствуя, как испарина покрыла шею, приказала себе еще раз вспомнить, кто оказался тем единственным человеком, который хотя бы попытался не дать мне умереть. На чью склонность во всем поступать разумно я возлагаю все свои надежды теперь.

Вернув самообладание, я нашла в себе силы едва заметно кивнуть в знак приветствия.

Не могу быть уверена, слишком уж далеко, но, кажется, на мгновение на лице дияра мелькнуло недоумение. А может, это был только блик от тысяч зажженных в зале шаросветов.

Как бы я ни храбрилась, как бы много ни знала, но переживать этот день заново все равно оказалось тяжело.

Формально династия Артуриев оставалась у власти и сохраняла полномочия по любым вопросам, не интересующим Конклав. Даже у меня отобрали лишь титул наследницы. Но фактически — это первый случай в истории, когда империя склонилась. И более того, сделала это позорно, даже не предприняв попытку вступить в бой.

Вот коленопреклоненный отец произносит страшные для всей Зендарии слова и снимает корону. Передает ее и жезл дияру, а затем произносит клятву верности. Знать тяжелым хором свидетельствует и тоже присягает Конклаву.

И наконец, я, встав на колени, произношу свои обещания. Мне не пришлось учить эти слова заново. Еще в прошлой жизни они выжглись болью на сердце и не исчезнут до конца моих дней.

Ботинки дияра, на которые устремлен мой взгляд, как и тогда, покрыты слоем дорожной пыли.

— ...что я, Лорелин Гильяна Артурия, отрекаюсь от титула наследной принцессы Зендарии, и пускай моя жизнь и кровь станут залогом мира и верности диярам, — закончила я.

— Дияр Кассиан Ревенхольм свидетельствует и принимает клятву дочери Артуриев, — неожиданно спокойно произнес мужчина.

В прошлый раз мне казалось, что голос дияра пропитывает яд. И только сейчас я поняла, что не было в нем тогда ничего, кроме желания поскорее закончить обязательную процедуру.

Я вскинула голову, посмотрев мужчине в глаза. Тогда я этого сделать не посмела, а дияр оставил меня стоять на коленях до тех пор, пока делегация не собралась удалиться.

Впрочем, их присутствие в тот день не заняло много времени. Посланники Конклава проигнорировали устроенный в их честь прием.

— Можешь подняться, — кивнул дияр.

Я встала с колен иправила платье.

Высокий, статный, с волосами, черными как лиранский антрацит, с уверенным широким размахом плеч, он возвышался надо мной как минимум на полторы головы.

— Зендария приветствует Конклав и приглашает темных мастеров разделить еду и вино, — произнесла я, спиной почувствовав острый взгляд отца.

Говорить должен был он. Но я знала, что он получит отказ, а допустить этого не хотела.

— Вынуждены отказаться, — поджал нить губ Кассиан. — Мы отправляемся обратно прямо сейчас.

Я глубоко вдохнула, набираясь смелости.

— Зендария теперь подчиняется вам, дияр Кассиан, и с этого момента все здесь — люди Конклава, — едва начавший роптать зал замолчал. — Вы не удостоите их чести почтить прием, устроенный в вашу же честь, своим присутствием?

Глаза мужчины на мгновение сузились, а в уголках губ промелькнула едва заметная усмешка.

— Принцесса, ты правда думаешь, что хотя бы один человек в этой зале сочтет наше присутствие за честь? — протянул он, словно пробуя слова на вкус. — Или это отчаянная попытка потянуть время?

— Это уважение к традициям, дияр, — ответила я, стараясь говорить ровно. — Как известно, любой дворцовый прием в Зендарии открывается танцем наследной принцессы с самым почетным гостем. Без моего и вашего присутствия не получится провести его как полагается.

По залу пробежал шепоток. Отец побледнел, но продолжил молчать, словно окаменел.

И хорошо, потому что если я не растоплю лед сейчас, потом это сделать будет намного сложнее. Если вообще возможно.

Дияр Кассиан медленно обвел взглядом зал, а затем вновь обратился ко мне.

— Просто напомню, что ты уже минуту как не наследная принцесса. Нашими стараниями. Но все же предлагаешь мне... танцевать? — в голосе мужчины прозвучал откровенный сарказм.

— Я предлагаю вам возможность показать, что Зендария готова к переменам, — ответила я, стараясь если не выглядеть, то хотя бы звучать уверенно. — Что мы можем найти общий язык.

Он сделал шаг вперед, оказавшись почти вплотную ко мне. Захотелось сжаться в комочек и отступить, но я не позволила себе этой роскоши.

— А ты не боишься рисковать, да? — тихо произнес он, почти прошептал. — Или вы что-то задумали? Ничего не получится, принцесса.

— Это искреннее предложение, — собрав в кулак всю волю, я посмотрела ему прямо в глаза. — Без скрытых мотивов.

Несколько бесконечных мгновений он молчал, изучая мое лицо.

— Что ж, — произнес он наконец, внезапно сменив тон на официальный. — Раз уж вы настаиваете на соблюдении традиций...

Дияр протянул руку.

В зале продолжала висеть абсолютная и невыносимо тяжелая тишина.

— При условии, что это будет единственный танец, — добавил он.

Я помедлила всего мгновение, а затем вложила свою руку в его.

Ладонь оказалась неожиданно теплой. А ведь, глядя в его глаза-ледышки, мне казалось, что и тело у него должно оказаться таким же холодным, как взгляд.

Из дневника Лорелин Гильяны Артурии, наследной принцессы Зендарии

Он заставил стоять на коленях отца. Заставил стоять на коленях меня. Он не позволил мне встать до тех пор, пока не объявил, что церемония окончена и мы уезжаем.

Или вообще забыл про меня сразу, как принял клятву?

Я чувствовала, как полы платья пропитываются пылью, как немеют колени, как дрожат от ярости руки. Но хуже всего было осознание собственного бессилия. Осознание того, что наша великая империя, что отец... а я... я ничего не могу сделать.

Говорят, Кассиан — самый жестокий из всех дияров Конклава. Теперь я верю каждому слову. Его жестокость не в пытках и убийствах — она в том, как он ломает людей, не поднимая руки. Как уничтожает гордость и достоинство одним лишь взглядом.

*Чувствую, будто тоню. И уже не смогу всплыть на поверхность.
*

Из заметок дияра Кассиана Ревенхольма

Образцы Южного крыла: оценить потенциал новых разработок, составить прогноз по возможным применениям, распределить ресурсы для дальнейших исследований.

Организовать экспедицию к руинам старой зендарийской академии — там может оказаться информация о том, куда пропал артефакт.

Не забыть поручить девчонку Холлдору: с молодняка станется превратить ее жизнь в ад

Глава 3

Музыка играла в мажоре, но, несомненно, для всех присутствующих она казалась траурным маршем. Торжественные аккорды наполняли зал, пока мы кружились в танце.

Рука мужчины крепко держала мою талию, движения отточенные и холодные — дияр даже танцевал так, будто сражался.

— На данный момент у вас в руках девушка, а не заточенная железная палка, — решила тихо прокомментировать я, потому что молчание становилось просто невыносимым.

Губы Кассиана искривились в едва заметной усмешке.

— Ты ведь совсем не боишься меня, не так ли?

— Мне поздно бояться, дияр.

Неправда.

Боюсь так, что каждое движение дается с трудом, но рада, что не произвожу такого впечатления.

Краем глаза я заметила, как придворные замирают, наблюдая за нами. Стоящая в стороне мать нервно сжимает веер, отец напряженно вытянулся в струну — будто бы и правда беспокоятся обо мне.

Даже Геворг, капитан личной императорской гвардии, стоит бледный как мел, зачем-то вцепившись в рукоять меча.

Обиде и злости, которые я старательно затолкала в самые отдаленные уголки души, не дал взойти на поверхность дияр. Он со странной интонацией отметил:

— Умудряешься витать в облаках в подобной ситуации? Занятно.

— Находите это забавным? Что ж, надеюсь, вам хотя бы и правда весело, — сказала я и тут же прикусила язык.

— Надо же, кто бы мог подумать, что самым смелым и острым на язык человеком в этой империи окажется наследная принцесса, несмотря на столь юный возраст, — и правда отчего-то развеселился дияр. — Мне вот что любопытно: ты действительно веришь в свои слова о переменах? Или просто пытаешься спасти свою прелестную шкурку?

— Пытаюсь спасти прелестные шкурки подданных империи, и свою, конечно же, тоже, — призналась я мрачно и честно. — Конклав сразу согласился принять капитуляцию, значит, вы не заинтересованы в том, чтобы устраивать бессмысленную резню. А она, несомненно, случится, если...

Дияр резко поменял направление движения и закрутил меня в головокружительном па, заставляя прерваться на полуслове.

Оказывается, он все-таки умел неплохо танцевать, просто даже не пытался стараться.

— Если что? — его голос прозвучал тихо и опасно.

— Если не будет диалога, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Если не будет попыток найти общий язык.

Я почувствовала, как его хватка стала чуть мягче, но она все равно осталась стальной.

— Поздновато искать общий язык, после того как твои предки вырезали большую часть житнетворцев, а вы сами последние лет сто делали все, чтобы мы окончательно вымерли.

— Хотите теперь, чтобы вымерли магосозидатели? — спросила я, стараясь не выдать волнения.

Если такова конечная цель житнетворцев, вряд ли мне удастся хоть что-нибудь изменить.

Губы Кассиана тронула мрачная улыбка.

— Нет, принцесса. Мы хотим равновесия. Вернее сказать, обязаны его добиться, даже если не очень-то хотим.

— И вы думаете, что захват власти поможет достичь этого равновесия?

— А есть предложения получше?

Мы продолжали скользить по паркету под неестественно радостную музыку, и я чувствовала, как нарастает напряжение.

Отец попытался рвануться вперед, когда пересекся со мной взглядом, но мать сжала его руку, удерживая на месте.

— Диалог, — повторила я. — Честные переговоры. Признание ошибок обеих сторон.

Кассиан остановился, заставляя меня замереть в неудобной позе. Музыка с болезненным стоном обрывалась.

— Вы здесь называете геноцид ошибкой обеих сторон?

Дияр отпустил меня, взгляд его стал совершенно непроницаемым.

— Лично я называю его историей, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Историей, которую нужно принять, чтобы двигаться дальше.

— История, — повторил он медленно, словно пробуя это слово на вкус. — Интересно, как бы ты назвала нечто подобное, если бы это случилось с твоим народом? Если бы роли поменялись?

— Я бы назвала это трагедией, — тихо, но твердо признала я. — Но мы не обязаны их множить. Разве не так?

— Я пообещал один танец. Он закончен, — объявил дияр и с сарказмом добавил уже громко, чтобы услышала вся зала: — Благодарим высокую зендарийскую публику за гостеприимство.

Вырезка из газеты «Звезда Зендарии»

Сенсация в императорском дворце!

Принцесса Лорелин в центре дипломатического скандала. У нее есть план?

Сегодня Зендария стала свидетелем беспрецедентного события, которое, несомненно, войдет в анналы истории. В стенах императорского дворца разыгралась драма, достойная пера величайшего драматурга.

Гости собрались не только принести клятву верности захватчикам, но и поддержать императорскую семью в трудный час. Принцесса — единственный ребенок в семье, и именно ее Конклав потребовал в качестве залога, гарантирующего соблюдение клятв со стороны Зендарии. Бедная императрица-мать!

Однако, как стало известно нашему представителю, наследная принцесса Лорелин Гильяна Артурия совершила неслыханный поступок — предложила танец самому Кассиану, дияру Конклава. Неожиданный ход юной принцессы вызвал настоящий фурор среди придворных. По свидетельствам очевидцев, дияр Кассиан, известный своей непримиримой натурой, неожиданно принял предложение принцессы.

Особого внимания заслуживает внешний вид принцессы. Огненно-алое платье, украшенное тончайшим шитьем, стало настоящим украшением вечера. Придворные модницы уже обсуждают возможность повторения подобного наряда.

Саму принцессу мы вряд ли сможем увидеть скоро: она отбыла с делегацией Конклава, как и было запланировано.

«Звезда Зендарии» продолжит следить за развитием событий и держать своих читателей в курсе всех подробностей.

Редакция выражает благодарность нашим анонимным источникам за предоставленные сведения.

Пометка на полях: Кто пропустил в печать этот бред?

Выдержка из «Государственного вестника Зендарии», № 247

Зендария на переломе: капитуляция как точка невозврата

Сегодня в императорском дворце свершилось то, чего опасались многие: Артурии официально объявили о капитуляции перед Конклавом эжизнетворцев. Это решение, принятое без широкого обсуждения с элитой империи, ставит под вопрос само будущее Зендарии как независимого государства.

Акт капитуляции, подписанный императором и засвидетельствованный дияром Кассианом, формально лишает Артуриев верховной власти. Передача короны и жезла — не просто символический жест: это юридическое признание утраты суверенитета.

Династия, правившая Зендарией три столетия, фактически утратила власть. Формальное отречение наследной принцессы Лорелин — лишь верхушка айсберга. Реальные рычаги управления уже находятся в руках представителей Конклава.

Решение императора Артурия принять условия Конклава выглядит не как взвешенное решение, а как сдача позиций без боя.

Зендария не проиграла войну — она проиграла волю к борьбе. Сегодняшний день должен стать не точкой капитуляции, а точкой отсчета для возрождения. История не простит тем, кто предпочел сдаться, не попытавшись отстоять честь и независимость империи. Зендария достойна лучшего, чем участь вассального государства.

Глава 4

Лорелин, Южный зендарийский тракт

Уже через четверть часа меня нес экипаж, запряженный двумя очень странными лошадьми, которые казались сильно крупнее привычных, но не уступали в скорости любимой четверке отца. Может, даже превосходили.

За спиной вновь оставался мой дом, моя семья и невообразимо длинный обоз с данью, которая особенно тяжело далась Зендарии накануне зимы.

Мерный стук колес нес меня в новую-старую жизнь. И не могло не радовать, что отправляюсь я в нее на этот раз в экипаже, а не верхом на лошади, привязанной к одной из телег обоза.

Помню, что в прошлый раз испытывала невыносимую тоску, наблюдая, как скрывается из виду шпиль императорского дворца — символ моей прежней жизни, моего детства, моих надежд.

Тогда я не могла даже представить, что когда-нибудь я посмотрю на него и подумаю: «Вы бросили меня, но это не значит, что я брошу вас».

Брошу, на самом деле, но не в беде. Если мне удастся каким-то образом предотвратить назревающий конфликт, я все равно никогда больше сюда не вернусь.

Мне некуда возвращаться.

Я опустила шторку, чтобы не смотреть в окно и испытывать как можно меньше сожалений, и устало прикрыла глаза, на мгновение забыв, что в экипаже нахожусь не одна.

— Итак, — произнес Кассиан, — ты, кажется, уже смирилась с новой реальностью?

В тесном экипаже я отчетливо почувствовала его необычный запах. Дияр пах костром, дорожной пылью, вереском и еще чем-то странным, лабораторным.

Очень сильно отличается от изысканных придворных парфюмов.

— Смирилась? — Я усмехнулась, но получилось более горько, чем мне хотелось бы показать. — Скорее пытаюсь понять, как жить дальше.

Кассиан чуть наклонил голову, изучая меня.

Сейчас он не выглядел таким холодным и пугающим, когда избавился от прицела сотен глаз зендарийской знати.

Только теперь я заметила темные круги, которые залегли под льдистыми глазами, и нездоровую бледность. Дияр выглядел скорее смертельно уставшим человеком, чем празднующим триумф победителем.

— Это разумно. Знаешь, мне не поступало распоряжений беречь тебя. Но и причинять страдания я не намерен. Не нахожу это полезным, — буднично произнес он, будто говорил о погоде за окном. — Но предупреждаю сразу: никаких особых привилегий. В моей резиденции ты больше не принцесса, не жди соответствующего обращения. А я не терплю, когда люди доставляют неоправданные проблемы. И если рассчитываешь...

— Я не рассчитываю, — перебила я, не отводя взгляда. — Я понимаю свое положение. И спасибо за честность. Но я хочу сообщить вам, что не бесполезна.

Тишина. Только стук копыт и скрип колес. Его глаза не отпускают моих.

Мне вдруг показалось, что смешное расстояние, разделяющее нас, слишком мало, почти интимно. И от этого стало не по себе.

Зачем только я опустила эту дурацкую шторку?

— Продолжай, — Кассиан приподнял бровь, явно заинтригованный.

Я могла бы прямо сейчас предложить те немногие ценные сведения, которыми владела исключительно потому, что знала, каким будет ближайшее будущее.

И уверена, что совершила бы огромную ошибку.

Пока у дияра нет ни одной причины мне доверять. То, что должно произойти, покажется ему невозможным. И все, чего я добьюсь, — это репутации человека, который готов наплевист на какую угодно чушь, а то и предать собственную страну, лишь бы подстелить себе соломку помягче.

Поэтому мне было нужно предложить нечто, что позволит по крайней мере не оказаться запертой в отдаленной комнате резиденции, как это было в прошлый раз, и в дальнейшем быть услышанной. Доказать мои добрые намерения, разумность и дальновидность.

Я не понаслышке знала, что эти качества дияр Кассиан ценит в людях больше всего.

— Меня учили управлять дворцом, — осторожно начала я. — Организовывать приемы, вести хозяйство, распределять ресурсы, следить за порядком. Я могу взять на себя эти обязанности. Освободить вас от хлопот, которые, как я подозреваю, вам не по душе.

— Ты предлагаешь мне... услуги экономки? — развеселился дияр.

— Можно и так сказать, — я выпрямилась, глядя ему прямо в глаза. — Я могу принести вам пользу вместо проблем, а вы взамен позволите мне не влачить жалкое существование в четырех стенах.

Кассиан медленно кивнул, словно взвешивая мои слова.

— Занятно. Ты не пытаешься использовать статус, угрожать или вызывать к милосердию. Не посыпаешь голову пеплом и не бьешься в истерику, как могла бы сделать избалованная высокородная особа. Это... неплохо, очень даже неплохо. Но странно.

Я пожала плечами.

— Время такое, что на светских чаепитиях много толкуют о Конклаве, и о диярах в том числе. Я слышала, что вы обладаете холодным умом и не упускаете выгод, поэтому и решила, что от возможной пользы не откажетесь. Так что скажете?

Замолчав, я замерла в ожидании его вердикта.

— Признаюсь, учитывая твой внешний вид, это твое платье и затею с танцами, я предполагал, что ты предложишь свои услуги, но думал, что они будут несколько... иного толка.

Мне понадобилось время, чтобы осознать, на что намекает дияр. И когда я это поняла, кровь прилила к щекам — то ли от стыда, то ли от острой, колючей ярости.

— Тише-тише, принцесса, ты очень громко думаешь, — мягко рассмеялся мужчина. — Я уже понял, что ошибся. Ты в полной безопасности, по крайней мере в этом смысле.

От мягкого смеха дияра и его слов по спине вдруг пробежала странная дрожь — не страх, а что-то иное, незнакомое.

Я поспешно отвела взгляд, пытаясь унять внезапное волнение.

— Хотя, если вдруг интересно, я бы от твоего предложения не отказался, — иронично отметил он. — Ты очень красивая девушка.

Прежде чем я успела собрать в кучу мысли, неуловимые, как солнечные зайчики, чтобы дать достойный ответ, Кассиан резко сменил тему:

— Хорошо, — совершенно другим тоном произнес он. — В целом, мне все равно, как ты будешь себя развлекать. Если это окажется полезным и не принесет мне дополнительных хлопот, я действительно только за. Но запомни, что никто не будет относиться к тебе как к принцессе, и если ты берешь на себя ответственность, придется ее нести, вопреки тому, что ни один жизнелюбец тебе рад не будет. Если же ты рассчитываешь получить таким образом доступ к важной информации или документам — этого тоже не будет, лучше сразу откажись. Спрошу только один раз: ты уверена в своем решении?

— Уверена, — кивнула я, не позволив себе ни доли секунды на размышления, и на мгновение замялась. — И... у меня будет еще просьба. Если позволите.

— И какая же? — дияр удивленно приподнял темные брови.

— Дело в том, что с моими способностями к магосозиданию что-то не так, — осторожно начала я. — Если быть точной, то сейчас я скорее обычный человек, чем магосозидатель. И я слышала, что давно, еще до раскола, темные мастера умели работать с подобными случаями.

Дияр Кассиан скривился так, будто я ему подсунула лимон вместо пирожного, и закатил глаза.

— Во-первых, Лора, запомни: мы — жизнетворцы. Никакие не темные мастера и прочий ваш народный фольклор. На первый раз прощаю, но очень рекомендую запомнить и использовать только одно слово — жи-зне-твор-цы. Это понятно?

— Да, простите, — стушевалась я.

— Во-вторых... И давно это с тобой?

Я словила себя на мысли, что не успеваю за сменой настроения мужчины напротив.

— Да... то есть нет, совсем недавно. Не знаю, как это произошло. Вообще ничего не понимаю. Я никогда не обладала неординарными способностями, и магосозидание — это не то, чему уделяется много времени в образовании принцессы. Но кое-что я все-таки могла, сдала даже экзамен на четвертый ранг, а теперь, когда я закрываю глаза...

— ...темнота? — закончил за меня дияр.

— Да, — я подняла на него изумленный взгляд. — Вы знаете, что это такое?

— И да, и нет, — уклончиво произнес Кассиан. — Нужно изучать, но сейчас я этого сделать не смогу.

— Но почему? Нет, я понимаю, что не в том положении, чтобы просить вас о безвозмездной помощи, но пока не знаю, что могла бы предложить взамен. Что мне сделать, чтобы вы взялись?

Дияр издал короткий смешок.

— Что угодно сделаешь?

— Нет, — вопрос мгновенно охладил мой пыл, и я опустила взгляд в пол. — Но в зависимости от разумности — подумаю.

— Расслабься, просто стало интересно, что ты ответишь, — холодно усмехнулся Кассиан. — Я отказываю не потому что хочу от тебя что-то получить, мне нечего с тебя взять. Просто напомню, что и ты, и твоя империя принадлежат Конклаву с потрохами. Исключительно из научного интереса я бы взялся за твой случай, не каждый день выпадает возможность поработать над живым магосозидателем с редким отклонением, материал любопытный. Однако, отсутствие весьма важного элемента нам работать помешает.

— А что нужно? — я непонимающе нахмурилась. — Я могу это найти?

— Да не нужно ничего особенного, принцесса. Только твое полное и безоговорочное доверие мне.

Мои брови изумленно изогнулись, я отчетливо почувствовала, как они поползли вверх.

— Нет, не издеваюсь, — ответил Кассиан на мой безмолвный вопрос, будто прочитав мысли. — Это, скажем так, весьма тонкий процесс. Не будешь доверять — начнешь сопротивляться, и с высокой долей вероятности я превращу твои мозги в недееспособную кашу.

Мне сразу подумалось, что дияр, по всей видимости, просто не настолько заинтересован, чтобы тратить свое время, и нашел благовидный предлог отказать. Если бы жизнетворчество так уж требовало доверия, оно бы изжило себя как вид.

— Хм... — с сомнением протянула я.

— Да. Разобраться в твоём случае было бы крайне любопытно, но думается мне, не вполне возможно. Или я ошибаюсь?

Я смущенно опустила взгляд. Так-то он прав, конечно.

— Конечно, вы правы. Я бы соврала, если бы сказала, что доверие между нами вот так запросто возможно, — озвучила я. — И все же, вы говорите, что не отказались бы. К слову о

доверии, вы так легко разрешили мне попробовать себя в управлении, пускай оно и касается хозяйственных вопросов. Могу я спросить почему?

Меня, признаюсь, действительно беспокоила эта легкость, с которой дияр принял решение, наводя на определенные опасения. Лучше прояснить все сейчас.

— Честно говоря, я понятия не имел, что с тобой делать, — удивительно по-простому развел руками Кассиан. — Знаешь ли, не каждый день беру в плен принцесс покоренных государств. Ты придумала неплохое решение, не вижу причин его отклонять.

— Обычно пленных сажают в тюрьму, ну, в том или ином виде, — серьезно отметила я. — А вы готовы не только допустить принцессу захваченной страны к делам резиденции, но и в теории помочь восстановить магосозидательные способности. Вам не страшно, что все это я могу обернуть против вас?

Кассиан посмотрел на меня, как на ребенка, который спрашивает у уставшего родителя, почему небо голубое.

— Силы бояться только слабые, принцесса. Какой из меня дияр, если я не способен справиться с одной женщиной, тем более в твоём положении? А если кто-то может принести мне пользу, я не вижу причин от нее отказываться. В этом на ваших чаепитиях не врут.

— Да, наслышана о вашем... прагматизме, — растерянно ответила я.

— Считаешь это плохой чертой? — Кассиан откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу, от чего места в экипаже стало еще меньше.

— Что? Нет, разумеется! Просто все это похоже на какую-то шутку. Я готовилась к другому.

— И к чему же? — вскинул темную бровь дияр.

— Скажем так, попади в плен зендарийцев вы, дияр, — и вы бы оказались в совершенно ином положении, нежели я сейчас, — я помрачнела.

И ведь до сих пор я правда не задумывалась о том, что даже моя прошлая жизнь — можно сказать, роскошь по сравнению с тем, что ждало в Зендарии плененных жизнетворцев.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — усмехнулся Кассиан. — Откровенность за откровенность, принцесса. Не показись ты мне занимательной сегодня на церемонии, ехать тебе с обозом, а не в моем экипаже, и не вести этот разговор. Мне просто стало любопытно, а ты воспользовалась шансом, только и всего.

Я решительно вскинула голову и посмотрела дияру прямо в глаза. Попробовать добавить, раз диалог идет так удачно?

— Тогда я попробую воспользоваться еще одним?

Если мне и удалось сбить мужчину с толку, он этого не показал — ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Попробуй.

— Возьмитесь все-таки за мое магосозидание, прошу. Вы ведь слухавили, что это невозможно, я права? — я подалась вперед.

В экипаже повисла тишина.

Не знаю, о чем думал Кассиан, но в моей голове медленно, по пазлам, складывался план.

Под таким предлогом я вполне могла бы видаться и общаться с дияром довольно часто, а не погрязнуть в работе экономки, так ничего и не добившись.

А если мне удастся еще и магосозидание восстановить, без которого я чувствую себя так, будто лишилась руки, — это даже можно будет назвать просто неприличной удачей.

Водоворот моих вдохновенных мыслей прервали тени, сгустившиеся в углах экипажа.

Атмосфера резко переменилась. Я не поняла — почувствовала: что-то происходит. Страшное. Опасное.

Дияр, еще минуту назад казавшийся совершенно расслабленным, изменился в лице. Черты его заострились, и без того светлая кожа сделалась едва ли не прозрачной, а глаза... льдистые глаза заволокло непроглядной чернотой.

Все внутри перевернулось, и по спине пробежал холодок. Я застыла, цепenea от странного, сверхъестественного, первобытного ужаса.

Дияр медленно придвинулся ко мне и схватил за запястья, а затем резко дернул на себя, сделав так, что наши лица оказались в каких-то сантиметрах друг от друга. Его пальцы, прежде казавшиеся вполне нормальными, сейчас оказались значительно длиннее, чем у обычного человека, больше похожими на лапы огромных пауков.

Мне хотелось закричать, но голос пропал. Хотелось рвануться прочь, но ни руки, ни ноги не слушались.

Тени стали настолько густыми, что границы экипажа словно перестали существовать. Если бы не мерное покачивание и глухой стук лошадиных копыт, доносящийся будто издалека, я бы потеряла всякое ощущение пространства.

— Закрой глаза, — ледяным тоном приказал дияр, хотя клянусь, мне показалось, что губы его остались неподвижны. — Показать будет проще, чем объяснять.

И к своему ужасу я почувствовала, как ресницы медленно и послушно опускаются, подчиняясь чужой воле.

Я ощутила, как холодные пальцы скользнули вверх по моей шее, а затем впились во впадинки за ушами.

От того, что последовало дальше, меня охватил уже не ужас — самая настоящая паника. Потому что мне показалось, что пальцы дияра в буквальном смысле погружаются в мою плоть.

И прежде чем я успела хотя бы попытаться закричать, затылок молнией прошила невыносимая боль, будто весь череп изнутри заполнила раскаленная лава.

— Медленно и глубоко вдохни, затем так же медленно выдохни, — все так же отстраненно произнес Кассиан, и я не знала, прозвучал ли его голос по-настоящему или только в моей голове.

На этот раз я была рада тому, что исполняю чужую волю, потому что это принесло облегчение.

Боль постепенно унялась, уступая место опустошению.

— Я ведь говорил, что ты непустишь меня.

Надежда, что на этом дияр закончит демонстрацию, разбилась об одно единственное слово:

— Продолжим.

Руки Кассиана скользнули мне за спину. Ловкие пальцы уверенно справились с застежками платья, ослабили корсаж, чтобы добраться до комбинации, и бесцеремонно забрались под нее, коснулись живота и проследовали выше — к солнечному сплетению. А затем вдруг замерли.

— Я хочу показать, как работает жизнетворчество. Обещаю, что здесь, — Кассиан чуть надавил на нежную кожу чуть ниже груди, — обойдется без непоправимых последствий, но будет больно. Мне остановиться?

Я сразу почувствовала, что ко мне вернулся дар речи, судя по всему, подконтрольный дияру. Голос не пропал сам по себе, как и возможность управлять собственным телом.

И больше всего хотелось не сказать — закричать, чтобы он немедленно прекратил. Но, собрав в кулак всю свою волю, я лишь спросила:

— Если я попрошу вас остановиться сейчас, вы мне все равно поможете?

— Нет.

— Тогда продолжайте.

Молчание. И тишину разорвал короткий смешок.

Ничего сказать или даже подумать в ответ я уже не смогла. Потому что лед его пальцев превратился в раскаленный металл, прорезающий плоть, как горячий нож сливочное масло.

Глухая и тупая боль разлилась внутри грудной клетки, и впервые в жизни я поняла смысл выражения «искры посыпались из глаз».

От невыносимой боли сознание попыталось скользнуть в спасительную темноту, но и этого мне сделать не дали:

— Я запрещаю тебе отключаться, — прогремел голос дияра. — Попробуй прислушаться к ощущениям.

И я действительно попыталась, но едва не сошла с ума от ужаса. Нечто чужеродное проникло в мое тело и десятками змей расползлось изнутри: сомкнулось на сердце, обвилось легкие и вены. И самое ужасное, что оно... двигалось.

Липкий ужас схватил меня за горло, вызывая иррациональное желание вырваться и бежать прочь от того, от чего убежать невозможно.

— Полагаю, достаточно.

Я буквально почувствовала, как хватка чужой нестигаемой воли разжалась, возвращая контроль над телом.

Тяжело дыша и содрогаясь, я с усилием распахнула глаза.

На меня в ответ смотрели уже совершенно обычные льды дияра, будто и не было той жуткой всепоглощающей черноты на их месте. Смотрели изучающе, без тени сожаления или насмешки.

— Примерно так будет происходить наша работа, если ты все еще этого хочешь, — медленно произнес он, отчетливо проговаривая каждое слово.

Ощущение собственного тела возвращалось постепенно, и я вдруг неожиданно остро осознала, в каком положении нахожусь.

Рука дияра все еще оставалась под комбинацией, и сам он сидел непозволительно близко.

Стань кто свидетелем этой картины, и моя репутация была бы разрушена навсегда. Впрочем, о таком понятии, как репутация, мне стоило бы забыть.

Судорожно оттолкнув Кассиана, я попыталась привести себя в порядок, но руки так сильно дрожали, что пальцы безнадежно соскальзывали с тонких застежек корсажа.

Чужие руки, вроде бы с совершенно нормальными человеческими пальцами, перехватили мои. И я инстинктивно стряхнула их, подняв на дияра затравленный взгляд.

Перед глазамиплыли странные цветные пятна.

— Я помогу, расслабься.

Его голос звучал ровно, почти буднично, а пальцы двигались уверенно и быстро. Он ловко справлялся с крошечными крючками и петельками, которые мои дрожащие руки никак не могли поймать.

Меня же разрывало от жгучего стыда и смущения. Пожалуй, такой беспомощной я не чувствовала себя никогда.

Не добавляли приятных ощущений и легкая тошнота с головокружением.

— Итак, что думаешь, принцесса? — спросил дияр, когда закончил с платьем. — Все еще хочешь воспользоваться своим шансом?

Глава 5

Мне потребовалось время, чтобы прийти в себя достаточно для продолжения разговора. Я сжала пальцы в кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы сосредоточиться на этом простом ощущении.

— Вы могли просто объяснить, — наконец выдавила я, стараясь придать голосу твердость и гнев, которых на самом деле не чувствовала.

Вместо этого слова прозвучали сдавленно, будто сквозь вату.

— Всегда считал, что показать — гораздо эффективнее, нежели рассказать, — пожал плечами дяря. — Согласись, вышло весьма доходчиво.

О да, доходчиво — не то слово. По крайней мере, мне стало понятно, почему при всех прочих равных жизнетворцев изгнали в ту глушь, из которой теперь они решили выбраться. Природа их сил совершенно отличалась от магосозидания и до одури пугала.

От вспыхнувших в сознании пережитых ощущений меня передернуло.

— Так вот, — продолжил дяря. — Сейчас я ничего не делал, только вступил в контакт. Понимаю, что ощущения, хм... своеобразные. Обычно мы используем специальные составы, которые отключают сознание и тактильную восприимчивость реципиента перед проведением манипуляций, но в твоём случае так поступить нельзя. Мне понадобится твоё участие и помощь. Кроме того, каким-то образом вот сюда, — Кассиан коснулся указательным пальцем моей переносицы, и я невольно отшатнулась, вызвав снисходительную усмешку, — нам тоже придется попасть. Исток находится в особой области мозга, без работы с ним не обойтись.

От напряжения сводило челюсти, и я постаралась глубоко вдохнуть, чтобы хотя бы немного расслабиться.

— Простите, была неправа, — констатировала я. — Вы мне сказали, что это невозможно. Я не поверила.

— Сейчас так не думаешь? — с интересом вскинул бровь дяря.

— Нет. Никогда не испытывала такой ужасной боли, особенно в самом начале, до сих пор мутит. К тому же, признаюсь честно, ощущения не своеобразные, как вы выразились, а жуткие.

— Больно было только потому, что ты сопротивлялась — это естественная защита организма, которую, тем не менее, возможно контролировать. Чем сильнее отторжение, тем больше мне приходится ломать. — Дяря чуть склонил голову набок, внимательно читая все, что появляется на моем лице. — Но получилось не так плохо, как я ожидал. Ты очень неплохо себя контролируешь, на удивление. Думаю, ты могла бы привыкнуть.

А мне вот к такому привыкать совсем не хотелось. И родившийся план по сближению с дяряром, вкупе с попутным восстановлением магосозидания, уже не казался таким удачным.

Только вот другого у меня нет.

— Не уверена, что к этому возможно привыкнуть, — честно призналась я.

— Ну что ж, это ожидаемо.

— Я не договорила. Не уверена, но готова, по крайней мере, попробовать.

Кассиан чуть прищурился, будто оценивая, в своем ли уме я принимаю решение.

— Занимательно. Тогда начни хотя бы с того, чтобы не дергаться от малейшего моего движения, — он снова откинулся назад, сложив руки на груди. — Что бы о нас ни говорили в империи, жизнетворцы — не демоны во плоти. Сейчас ты все еще можешь отказаться и не тратить мое время попусту. И сразу отвечу на вопросы, которые ты вряд ли решишься задать. Да, мне придется касаться тебя, контакт кожа к коже необходим. Да, в контакте ты будешь целиком и полностью находиться в моей власти, как это происходило только что. Да, первое время будет и больно, и неприятно. Более того, от тебя потребуется вся возможная отдача, ничего не получится, если ты будешь терпеть, тебе придется научиться принимать меня. И да,

я ничего не могу гарантировать, потому как если ты так и не сумеешь пустить меня в свою прелестную головку, до истока мы не доберемся. И нет, залезть в твои мысли я не смогу — это не моя специализация.

Меня перевернуло от того, что он действительно ответил на все вопросы, которые сейчас мне не хватило бы смелости задать, но очень хотелось. Не самое приятное чувство, когда тебя читают как открытую книгу.

К тому же эти ответы мне совершенно не нравились.

Разве что хорошо, что, по крайней мере, мои мысли останутся при мне, в них ему точно делать совершенно нечего. А уж с гордостью, страхом и стыдом я как-нибудь справлюсь.

— Я все поняла и услышала. Давайте попробуем.

Кассиан улыбнулся одними губами, и в полутьме экипажа это показалось мне особенно жутким. Он вновь резко подался вперед, будто специально провоцируя меня, и вкрадчиво произнес:

— Прекрасно.

По телу вдруг пробежала легкая дрожь, а внутри возникло странное, непонятное ощущение, узлом завязавшееся внизу живота.

Дияр этого, к счастью, не заметил или просто оставил без внимания. А затем мои мысли повернулись в совершенно другую сторону.

— Между прочим, мы на месте. Уже довольно давно, — Кассиан усмехнулся.

И только сейчас я обратила внимание, что экипаж действительно не двигается. Как я могла не заметить?

— Но до пустошей несколько часов пути! — пораженно выдохнула я. — Как это возможно?!

Губы мужчины тронула загадочная полуулыбка. Он открыл дверцу экипажа, легко выскользнул из него и выжидающе обернулся, подав мне руку.

Мгновение помедлив, я сглотнула и позволила помочь мне выбраться.

Над нами нависла громада до боли знакомой мне резиденции дияра. И кроме нас на просторной площади не наблюдалось совершенно никого. Ни единого признака обоза, даже там, где дорога уходила за горизонт.

Я перевела взгляд на тихо всхрапывающих коней.

— Это не обычные лошади, да?

— Нет, не обычные, — усмехнулся дияр. — Добро пожаловать, принцесса.

Я слабо улыбнулась в ответ, хотя, по правде, на душе скребли кошки.

Все перевернулось с ног на голову, и впереди ждала пугающая неизвестность. А еще я почти по-настоящему слышала, как тихо щелкает обратный отсчет.

У меня только год, чтобы все изменить. Удалось ли мне сделать первый шаг правильно?

Из дневника Лорелин Гильяны Артурии, наследной принцессы Зендари

С первой секунды я поняла — мне здесь не рады. Конечно, это было очевидно, и не стоило рассчитывать на теплый прием. Мне все равно, что в этой тесной комнатухе пыльно и холодно. Мне все равно, что горничные якобы забывают принести еду. Но испортить все мои рисунки? Уничтожить кисти и краски? То единственное, что я взяла с собой, как соломинку, которая могла бы помочь не утонуть в отчаянии. Так глупо и мелко.

Сегодня утром я обнаружила, что в моей комнате все-таки есть окно. Кто-то «заботливо» закрыл его шкафом. Мне пришлось потратить полдня, чтобы сдвинуть его.

Можно было бы воспользоваться магосозиданием, но этот жуткий дияр запретил. Сказал, что если использую свои способности, ему придется перевести меня в подвалы, где установлены блокаторы, потому как тратить время на дополнительный присмотр за мной он не намерен.

А за окном оказался сад. Маленький, запущенный, но все же. Красиво. Там растут шиповник и полынь — растения, которые выживают даже в самых суровых условиях. Я смотрела на них и думала: если они могут, то могу, наверное, и я?

Глава 6

Лорелин, резиденция дяря Кассиана

Мне казалось, что ко встрече с самыми тяжелыми страницами своей предыдущей жизни я буду готова, но на практике поняла, что подготовиться к этому невозможно.

Очень тяжело давалось то, что приходилось не только справляться с нахлынувшими эмоциями, но и изображать удивление. Рассматривать знакомые стены, настороженные и озлобленные лица людей, которые я знала слишком хорошо.

Животный страх заворочался где-то глубоко внутри, когда из полумрака алькова вырос немолодой мужчина с благородной сединой волос и внимательными острыми глазами.

— Добрый вечер, дяря Кассиан, — он склонился в глубоком поклоне. — Какие будут распоряжения относительно вашей?..

Камердинер Холлдор. Человек, который искренне ненавидел меня и приложил немало усилий, чтобы сделать жизнь бывшей зендарийской принцессы невыносимой.

— Ее зовут Лорелин, Хол. Какое-то время она проведет здесь.

В присутствии господина камердинера не позволял себе ни единой эмоции, оставаясь полностью нейтральным, но я знала, как сильно меняется этот человек, когда Кассиана нет рядом.

Он наверняка видел, как дяря подавал мне руку, помогая выбраться из экипажа, и как придержал дверь, и сейчас цепко изучал нас, подмечая детали.

— Мне подготовить место в подвалах или в вашей спальне, дяря? — спросил он наконец.

Сейчас Холлдор пытался не столько получить прямые распоряжения, сколько понять, какое положение для меня предусмотрел его повелитель.

Я же поперхнулась воздухом от возмущения, но так растерялась, что не смогла найтись, как это прокомментировать.

— Выдели для нее место в восточном крыле и приведи в порядок кабинет, но завтра. Сегодня размести ее в гостевых.

Маска равнодушия дала трещину, и кустистые брови камердинера взлетели вверх.

— Мой дяря... кабинет?

— Именно так. Я неясно выразился?

— Я дам все необходимые распоряжения, — Холлдор поклонился, резко кивнул в мою сторону, смотря на одну из девушек в белых передниках, и удалился прочь.

Я перевела взгляд на молодую горничную, которой меня поручили.

На лице девушки сложилась недовольная гримаса, когда наши взгляды пересеклись. Она была слишком юной, чтобы уметь сдерживать даже такие простые эмоции, но послушаться Холлдора не смела.

По моей же спине пробежали мурашки. Мне и в этот раз досталась самая отдаленная часть резиденции.

Сразу нахлынули воспоминания о первых днях, которые я провела там, сходя с ума от одиночества и голодая, когда горничные «забывали» о том, что меня полагается кормить наравне со всеми.

Тогда я считала, что оказалась в руках варваров и бандитов, мне и в голову не приходило, что достаточно сообщить об этом дяря, чтобы решить вопрос. Как и о других мелких пакостях, которые с удовольствием устраивала для меня остальная прислуга.

Сейчас эта мысль показалась такой очевидной, но тогда она просто не могла прийти мне в голову. Дяря в прошлой жизни был совсем другим.

Вернее, другим он быть не мог, нет. Как ни горько признавать, но, решив печально плыть по течению, я сама стала для него совсем другим человеком, нежели сейчас.

Горничная недовольно и нетерпеливо поманила меня за собой.

— А... — я неуверенно обернулась.

— Сегодня отдохни, завтра вникай в дела — их будет много, — ответил дяря, так и не дав толком задать вопрос. — Я сам позову тебя, когда найду время.

Меня хватило только на то, чтобы коротко кивнуть и проследовать за горничной.

Очень долгий и очень сложный день, и в тот момент мне хотелось разве что снять с себя это свинцово-тяжелое платье и просто прилечь. Впрочем, поесть тоже было бы неплохо.

— Как тебя зовут? — устало спросила я, наблюдая, как забавно колышутся две короткие косички девушки.

— Меня зовут Клара, я провожу тебя в гостевые, и на этом все.

— Нет, не все. Мне нужна ванна и хороший ужин. Кроме того, мои вещи еще не прибыли, мне нужно во что-то переодеться.

Девушка зашагала вперед еще быстрее, так энергично подергивая косичками, что стало ясно: она в ярости.

— Ванну можно организовать, — процедила горничная. — Но насчет ужина... кухня уже закрывается. И запасного гардероба для гостей у нас нет.

Я сдержала вздох.

— Значит, найди что-нибудь. Мне подойдет что угодно, только бы чистое. Вроде мы с тобой одного размера? А ужин... принеси хотя бы хлеба с сыром и теплого чая, уж это на кухне найдется?

Клара обернулась, стрельнув колючим взглядом.

— Ты же из благородных, я вижу. Какой хлеб с сыром?

— А благородным положено подавать только павлинов на золотом блюде? — я вскинула бровь. — Знаю, что не нравлюсь тебе, Клара, и хочешь верь, хочешь нет — понимаю. Но пойми, пожалуйста, что я вам всем здесь не враг. И, кроме того, не напрашивалась в гости, уж поверь.

Плечи Клары чуть опустились, а в глазах мелькнуло что-то вроде смущения. Она провела рукой по одной из косичек, словно проверяя, на месте ли она.

— Я попробую что-нибудь придумать, — неуверенно протянула девушка. — Думаю, хлеб и чай на кухне действительно найдутся.

— Спасибо, — совершенно искренне улыбнулась я.

Страхи мои не оправдались, потому как Клара привела меня не в тесную комнатку из прошлой жизни, а в небольшие и скромно, но со вкусом обставленные покои. Я посмотрела в стрельчатое окно и обнаружила прекрасный вид на лес и темнеющие за ним в сумерках горы.

Помню, раньше я могла смотреть только на маленький заброшенный сад, и отчего-то мысль о нем отзывалась теплом в груди.

Горничная упорхнула добывать мне ужин и заперла за собой дверь. Я вздохнула и решила осмотреться в своей куда более комфортной на этот раз клетке.

У окна стоял массивный, но изящный стол из того же дуба, что и потолочные балки. Рядом примостился стул с высокой резной спинкой, а напротив, у противоположной стены, располагалась кровать под легким балдахином из полупрозрачной ткани. Она казалась островком покоя: белоснежные простыни, несколько подушек разного размера и плед из тонкой шерсти.

Пришлось сделать усилие над собой, чтобы не рухнуть как есть в эту манящую мягкость, пахнущую лавандой и ирисами.

В гостевой имелась неприметная дверца, за которой скрывалась небольшая комнатка, предназначенная для туалетных процедур. Очень удобно, особенно если ты девушка, да и в целом человек, ценящий свое время и уединение — гораздо лучше общих купален.

Пока я осматривала помещение, Клара вернулась — тихо, без лишнего шума. В руках у нее был поднос: глиняная чашка с ароматным чаем, ломоть свежего хлеба, кусок сыра и даже

пара соленых оливок, будто она в последний момент решила добавить что-то «для благородства».

— Вот, — она поставила поднос на низкий столик у окна. — Чай еще горячий.

В голосе девушки уже не было ни резкости, ни раздражения — только деловитость и усталость. Я подумала, что наверняка у нее тоже был непростой день, наверное, у горничных он в принципе не бывает простым.

Следом Клара протянула мне аккуратно сложенную льняную сорочку, явно свою собственную, но чистую и отглаженную.

— Нашла в кладовой. Если что, завтра поищем что-нибудь получше.

Я взяла вещи, ощутив под пальцами приятную текстуру ткани.

— Спасибо, Клара. Это больше, чем я ожидала. Завтра, я думаю, должен прибыть обоз с моими вещами. Могу я тоже отдать тебе что-то свое?

Глаза горничной изумленно округлились.

— Чего? — по-простому спросила она и замахала руками. — Не-не-не, нам земдарийских подачек не надо.

— Я не настаиваю, — мои губы тронула улыбка. — Просто хотела бы отблагодарить тебя за доброту, но пока не располагаю особыми возможностями.

Клара на мгновение замерла, словно не зная, как реагировать. Потом неловко переступила с ноги на ногу и пробормотала:

— Доброта тут ни при чем. Я просто... выполняю свои обязанности.

Я неожиданно для себя рассмеялась и сказала:

— Если бы все «просто выполняли свои обязанности», мы бы жили в прекрасном мире, Клара.

Горничная неуверенно хихикнула в ответ, и я подумала, что это хороший знак. Затем девушка удалилась, оставив меня одну.

От чая на столике исходил благодатный пар, вызывающий тоску — он ведь точно остынет, пока я принимаю ванну. Рука машинально потянулась к столику, и я прикрыла глаза, но ожидаемо увидела лишь темноту.

— Ладно, не так уж страшно это житнетворчество, если оно и правда вернет мне меня, — тяжело вздохнула я и направилась в ванну.

Она представляла собой каменный бассейн, вмонтированный прямо в пол.

Не теряя времени, я повернула краны. Сперва хлынула прохладная струя, но уже через несколько мгновений вода потеплела, наполняя помещение мягким паром. Пока бассейн наполнялся, я отыскала на полке льняное полотенце, мягкий мочальный пучок и маленький флакон с маслом — судя по запаху, с бергамотом и розмарином.

Убедившись, что все готово, я с наслаждением сняла платье и медленно опустилась в воду. Но насладиться моментом так и не смогла, потому что невольно вспомнила эти даже слишком ловкие руки, которые справлялись с корсажем лучше, чем я сама.

Я погрузила ладонь в воду, разглядывая собственные пальцы. Обычные. Тонкие. С коротко подстриженными ногтями. Ничего общего с теми — длинными, почти неестественно вытянутыми, способными проникать сквозь плоть.

«Думаю, ты могла бы привыкнуть», — подсказала память голосом дияра.

Я сжала кулак, подняла руку над водой и медленно разжала пальцы. Вода стекала между ними, оставляя на коже едва заметные дорожки.

Смогу привыкнуть или нет, но мне жизненно важно наладить контакт с дияром. Потому что события, ставшие отправной точкой моего конца, начнут разворачиваться весной. И у меня только одна холодная зима, чтобы к ним подготовиться.

Глава 7

На утро меня ждал приятный сюрприз. В прошлой жизни первый день в резиденции сложился просто ужасно. Мне не принесли поесть, и к вечеру я впервые в жизни узнала, что такое голод, а, открыв сундук с платьями, обнаружила, что все они безнадежно испорчены.

В этот раз все было иначе. Мои вещи все еще находились в пути, но Клара все-таки приложила руку к тому, чтобы мне было что надеть, ведь у туалетного столика я нашла чудесное платье из плотной струящейся ткани цвета слоновой кости, расшитое деликатным узором золотых нитей. А на прикроватной тумбочке обнаружился графин с молоком и румяной выпечкой, аромат которой просто сводил с ума.

Жадно съев несколько пышных булочек и запив их целыми двумя стаканами вкуснейшего молока, я отправилась приводить себя в порядок.

Из зеркала на меня смотрела вроде бы все та же Лора, но какая-то чуждая, незнакомая. Каштановые волосы мягкими волнами обрамляют лицо, глаза приглушенно искрятся темной листвой, поймавшей солнечный блик, но что-то в них поселилось. Возможно, пережитая смерть?

Тяжело вздохнув, я продолжила собираться. Совсем не время для хандры.

К приходу горничной я была полностью готова. И, более того, с удовольствием отметила, что крой местных платьев мне очень идет. В отличие от привычных пышных юбок, они мягко очерчивали изгибы тела, делая гармоничный баланс между бедрами и грудью очевидным.

Клара, судя по довольной улыбке, разделяла мое мнение.

— Нам нужно спешить! Дияр объявил общий сбор в зале для торжеств, а камердинер велел привести тебя заранее, — сообщила девушка и жестом велела поторопиться.

Резиденция явно нуждалась в женской руке. На первый взгляд огромное здание выглядело скромно, но опрятно, но, если присмотреться, то много прислуги слонялось совершенно без дела, качество уборки оставляло желать лучшего, кое-где критически требовался ремонт.

И это только жилая часть резиденции, и только то, что бросилось в глаза сразу.

Чувствую, что буду очень много удивляться, когда доберусь до изучения документов и начну вникать в то, как здесь обстоят дела.

Народу в зале для торжеств собралось невероятное количество. Дело в том, что резиденция не была домом в полном смысле этого слова.

Восточное и западное крыло предназначалось для жизни дияра и его семьи, а также гостей, северное выделялось для прислуги и хозяйственных нужд, к нему же примыкали конюшни. А вот южное крыло резиденций дияров традиционно считалось их сердцем. Здесь самые талантливые жизнетворцы трудились на благо Конклава.

Именно поэтому публика в зале собралась очень разношерстная, и взгляды я тоже ловила самые разные — от ленивого любопытства до откровенной неприязни. Даже мне, привыкшей к официальным мероприятиям, от противоречиво настроенной толпы стало не по себе.

Фигура Кассиана, возвышающаяся в дальней части зала, в этом котле из человеческих эмоций и мыслей стала своего рода маяком. И даже мрачный вид камердинера Холлдора не помешал мне облегченно выдохнуть, когда мы с Кларой оказались рядом с дияром.

— Доброе утро, Лорелин. Если ты передумала, то уже поздно, — усмехнулся он. — Будем тебя представлять.

— Не передумала, — я решительно расправила плечи. — Это нормально, что расположение и доверие людей нужно заслужить. К тому же, вы уж простите, дияр, но в вашей резиденции полный бардак.

Ох, и надо было видеть лицо камердинера! Холлдор буквально окаменел — губы сжались в тонкую линию, брови сошлись к переносице, а глаза так сузились, что превратились в две узкие щелочки.

Но его дияр лишь тихо хмыкнул и иронично отметил, как всегда резко сменив тему:

— Прекрасно выглядишь, тебе очень идет.

— Спасибо, — растерянно произнесла я, совершенно не готовая принимать комплименты.

— Что ж, тогда начнем, пожалуй.

Кассиан направился к небольшому возвышению у дальней стены зала, и гомон жителей резиденции мгновенно прекратился.

Когда же он заговорил, я вздрогнула от неожиданности, потому как голос звучал столь громко и четко, будто дияр использовал гласоусилитель. А использовать он его никак не мог — новейшая разработка, едва ли она могла успеть попасть к жизнетворцам.

Внимательно осмотревшись, я поняла, что сила голоса, доносившаяся даже до самых отдаленных уголков помещения, — работа талантливого архитектора, предусмотревшего хорошую акустику. Удивительно, как по-разному решают одни и те же задачи жизнетворцы и маго-созидатели. Определенно, нам есть чему поучиться друг у друга.

Если вкратце, Кассиан объявил, что теперь хозяйственной частью вопросов в резиденции буду заниматься я под личным контролем камердинера Холлдора. Вспышку негодования он уничтожил в зачатке:

— Если у кого-то есть вопросы или возражения, озвучьте их сейчас, — мужчина мрачно обвел взглядом присутствующих. — Я готов объяснить, почему считаю, что пленные должны приносить пользу, а не становиться бесполезным ртом, который нужно кормить.

Мне казалось, что вопросов не возникнет, но из глубины зала все-таки донеслось:

— Разве мы можем доверить дела лабораторий пленной зендарийке, дияр?!

Кажется, молодой человек, который решился озвучить этот вопрос, сам не мог поверить в собственную отвагу. Вопрос буквально увяз в напряжении, наполнившем зал.

— Разумеется, нет, Тимеус. Снабжением и делами южного крыла по-прежнему занимаюсь лично я, Лорелин будет заниматься исключительно хозяйственными вопросами.

Кем бы ни был загадочный Тимеус, его вопрос принес облегчение доброй половине присутствующих.

— Если вопросов больше нет...

— Кхм, дияр, могу и я сказать пару слов? — я деликатно привлекла к себе внимание.

Кассиан прервался на полуслове и удивленно вскинул брови. Но все же сделал шаг в сторону и жестом пригласил меня занять его место.

Нет, ну не зря же я вчера весь вечер голову ломала, как бы поскорее во всем разобраться и наладить контакт с местными?

Я откашлялась и набрала в грудь побольше воздуха.

— Спасибо всем, кто пришел сегодня. Понимаю, что в каждом из вас есть сомнения — это нормально, мы не знаем друг друга. Но, несмотря на свое происхождение, я обещаю, что буду очень стараться, чтобы жизнь каждого из вас стала немного лучше и проще.

Взгляд скользил по лицам — сдержанным, скептическим, порой откровенно недовольным. Кто-то скрестил руки на груди, кто-то демонстративно изучал потолок.

Впрочем, я и не ждала бурных оваций.

— Хочу предложить следующее, — продолжила я. — Начиная с завтрашнего дня, каждый из вас может прийти в кабинет в восточном крыле и опустить в специальный ящик письмо. Принимается все — жалобы, просьбы, замечания, что угодно. Вы можете написать их анонимно, но если хотите обсудить вопрос — обязательно подпишитесь.

Вчера я очень долго думала и в конце концов пришла к выводу, что самым лучшим выходом будет предложить людям решение их проблем вместо наведения каких-то своих непредсказуемых порядков. Понимала я и то, что идти ко мне поначалу будет зазорно, люди боялись бы осуждения, но если это анонимно — думаю, многие захотят «выговориться».

Звучит просто, но должно сработать. Хотя ответом мне стала гнетущая тишина, лед резиденции не спешил трескаться.

— Если вопросов нет, предлагаю расходиться по своим делам. Надеюсь, что мы найдем общий язык. Большое спасибо, что уделили мне время!

Глава 8

Из дневника Лорелин Гильяны Артурии, наследной принцессы Зендарии

Сегодня — или, может, вчера? — я окончательно потеряла счет дням. Сначала я считала шаги от двери до окна (семнадцать), потом стала подсчитывать, сколько листьев опало с шиповника под окном. Может, я схожу с ума?

Я не жду новостей. Даже не пытаюсь представить, что там, за стенами этой комнаты. Потому что все, что я могу вообразить, уже стало частью моей тюрьмы.

Скука — вот настоящее наказание. Не холод, не одиночество, не унижение. А эта вязкая, всепоглощающая скука, от которой невозможно спрятаться. Она проникает в кости, в мысли, в сны. Она превращает каждый вдох в напоминание: «Ты здесь. И ты никуда не уйдешь».

Если бы меня спросили сейчас, чего я хочу больше всего, я бы ответила: «Перестать хотеть».

Начинаю ненавидеть проклятое зеркало.

Лорелин, резиденция дияра Кассиана

С момента моего прибытия в резиденцию прошел почти месяц, осень в календаре сменилась зимой, и, хотя первый снег еще не выпал, ночи стали ощутимо холоднее.

Помню, как в прошлой жизни буквально сходила с ума от невыносимой скуки, запертая в четырех стенах и лишённая какого-либо досуга. Зато в этой скучать не приходилось.

Все, на что хватало сил далеко за полночь, — в полусонном состоянии принять ванну и упасть в постель, заботливо расстеленную Кларой.

Кассиана все эти дни я не видела, он велел камердинеру ввести меня в курс дел и лично обратил внимание, что южное крыло я без веских причин посещать не могу. Если же возникнет неотложная необходимость, личная лаборатория дияра все равно находится под строжайшим запретом, причем не только для меня, но и для любого жителя резиденции.

Идея с приемом писем оказалась даже слишком хороша. В первый же день я с изумлением обнаружила, что уже к полудню выставленный в коридоре небольшой ларец переполнен — последние обращения в прорезь не пролезали и были оставлены рядом. Да здесь не ларец — вагонетка нужна!

К счастью, разбираться с этим добром единолично мне не пришлось, на помощь пришел самый подходящий и вместе с тем неожиданный человек — камердинер Холлдор.

Как ни странно, именно он первым оценил мою идею, и, несмотря на то, что я заявила тогда о разведенном в резиденции бардаке, не стал чинить препятствий — напротив, оказал поддержку.

Я все еще не могла до конца осознать, насколько иначе складываются отношения с людьми в этой реальности, где я отказалась плыть по течению.

В прошлой жизни Холлдор казался мне просто сгустком ненависти — он никогда не вступался, когда прислуга позволяла себе мелкие пакости, хотя я уверена, что знал о них, и сам говорил со мной не иначе как сквозь до скрипа сжатые зубы.

А теперь? Теперь он сидит напротив меня за столом, заваленным письмами, и сосредоточенно раскладывает их по стопкам.

Я вспомнила разговор, который состоялся в первый день, когда я только приступила к своим новым обязанностям. Мужчина хмуро проводил меня в кабинет восточного крыла, вкратце рассказал, как обстоят дела и какие вопросы требуют решения в первую очередь.

Когда я изумленно продемонстрировала ему гору собранных за один день писем, Холлдор мрачно сообщил:

— Не думай, что я позволю тебе делать что вздумается. Лично посмотрю каждую запись и сам приму решение, если потребуется.

Я облегченно выдохнула и улыбнулась, сбив камердинера с толку.

— Спасибо! Я хотела об этом попросить, но боялась, что вы откажете. Никто лучше вас, камердинер, не знает дела резиденции. Без вас у меня уйдут месяцы, чтобы вникнуть во все вопросы и навести порядок там, где он требуется.

Холлдор на мгновение замер, он явно не ожидал такой реакции. Его брови приподнялись, а в глазах мелькнуло что-то вроде растерянности — будто он столкнулся с неизвестным явлением природы.

— Ты благодарна за то, что я собираюсь контролировать твою работу? — произнес он наконец.

— Именно, — кивнула я, стараясь звучать ровно и искренне. — Я здесь для того, чтобы помочь. Без вашего участия это будет сделать гораздо сложнее. И еще, позвольте быть честной, полезной мне хочется быть не из альтруизма и бескорыстной любви к работе. Я делаю это только потому, что пытаюсь таким образом выжить, но это не значит, что я буду подходить к взятым на себя обязательствам спустя рукава.

С тех пор между нами сложилось подобие даже не перемирия, а взаимовыгодного сотрудничества.

Обращения поступали самые разные — от уже два месяца как сломанной ручки шкафчика в купальных для слуг и отсутствия разнообразия в меню до задержки в поставках древесины из деревни и жалоб на старших слуг.

Поняв, что без системы в этом ворохе не разобраться, тем более что поток писем только прибывал, я решила выработать расписание. В полдень бумаги поступали ко мне на стол и тщательно сортировались по категориям.

Все, что касается простых бытовых вопросов, таких как мелкий ремонт или уборка, камердинер передавал старшей горничной и велел немедленно поручать в исполнение, пригрозив личной проверкой. Холлдора боялись и уважали, поэтому я не сомневалась, что все будет сделано быстро и в лучшем виде.

Отдельными стопочками складывались дела кухни и вопросы снабжения. К ним я планировала приступить после того, как тщательно изучу и наведу порядок в бухгалтерских книгах. Но самыми сложными оказались, конечно, письма по вопросам южного крыла и те, что касались управления персоналом.

С камердинером мы договорились, что за три часа до ужина он будет приходить в мой кабинет и лично отсматривать обращения житнетворцев. Все, что не касается домашнего хозяйства, а это оказалась весомая часть бумаг, он стал передавать лично дяру и другим людям, компетентным в вопросе.

Я понимала, что многие проблемы резиденции могла бы решить с куда меньшими усилиями, чем приходилось прилагать, если бы вернула возможность использовать магосозидание. И чем дольше тянулось время, тем больше рождалось во мне тревожности.

Почему дяра до сих пор не пригласил меня? Прошел целый месяц, и, хотя наблюдать, как упорядочивается жизнь резиденции — словно мозаика, складывающаяся из тысячи мелких деталей, оказалось приятно, ждала я вовсе не этого.

Будто ответив на мои мысли, камердинер Холлдор вдруг оторвался от бумаг и поднял на меня острый взгляд.

— Сегодня заканчиваем раньше, дяра хочет видеть тебя.

Глава 9

Кто бы мог подумать, что в южное крыло я однажды попаду по такому поводу. В место, все так же вызывающее легкое отвращение. Большинство помещений были закрытого типа, но своеобразный «музей», через который пришлось пройти, мало кого мог оставить равнодушным.

По периметру стояли шкафы со множеством полок, заполненных баночками разного размера. Внутри каждой из них в странной желтой жидкости плавали фрагменты человеческого, а может, и не только, тела: сердца, легкие, мозги, конечности. Формалин — кажется, так она называется, я слышала, когда была здесь в прошлой жизни.

Содержание некоторых стеллажей и вовсе вызвало нервную дрожь: здесь все в той же жидкости покоились небольшие существа. Одни из них выглядели искаженными, словно кто-то пытался соединить несколько частей вместе, но сделал это неправильно. Другие казались неполными, как будто часть их тел исчезла или еще не сформировалась.

Некоторые из них имели две головы, другие — лишние конечности, третьи были сжаты в странные позы, словно пытались защититься от невидимой угрозы. Все это создавало ощущение, что я смотрю на результаты какого-то безумного эксперимента, где природа решила поиграть в создание новых форм жизни, но забыла о правилах.

Камердинер остановился у темной арки. Куда-то вглубь уходила узкая лестница, тонущая во мраке.

— Дальше иди сама, — Холлдор неправильно прочитал опасение на моем лице и попробовал успокоить, — не переживай, тут недолго спустаться.

Я слотнула, пугала меня вовсе не темнота. Но все же сделала шаг к арке. Воздух здесь был густым, пропитанным запахом формалина и еще чем-то металлическим. Каждый вдох будто царапал горло.

Ступени оказались узкими, скользкими от времени. Я постаралась держаться шершавой стены, чувствуя, как под пальцами крошится старая штукатурка. Спуск казался бесконечным — то ли из-за темноты, то ли из-за того, как медленно билось сердце, отсчитывая каждый шаг.

Наконец впереди забрезжил свет — тусклый, мерцающий, как от свечей. Я вышла в небольшое помещение, больше похожее на лабораторию. В центре стоял массивный стол из темного дерева, заваленный свитками, колбами и странными инструментами.

У дальней стены виднелся большой металлический шкаф с замками, а рядом — нечто вроде операционного стола, который я предпочла не разглядывать.

Чуть в стороне расположился небольшой диван, столик у него оказался завален книгами, пергаментной бумагой и писчими принадлежностями. Какие-то листы укрывал плотный острый почерк, какие-то остались совершенно чисты.

Дияр стоял спиной ко мне, что-то выискивая среди многочисленных полок, и будто не замечал, что уже не один здесь. Он не обернулся сразу, словно нарочно давал время осмотреться.

Собравшись с силами, я решила привлечь к себе внимание:

— Добрый вечер.

Когда он обернулся, его взгляд сразу скользнул по моему лицу, по всей видимости, проверяя, насколько я впечатлилась дорогой сюда, выискивая малейшие признаки страха.

Наверное, он бы их нашел, если бы все это я увидела впервые. Но это было не так.

— Неплохо держишься, — губы Кассиана едва-едва тронула неожиданно искренняя улыбка. — Южное крыло не для всех. На особо чувствительных производит забавно неизгладимое впечатление.

В ответ я решила благоразумно промолчать. Точно не такое неизгладимое, какое произвел на меня облик дияра тогда в экипаже. Вот уж от чего можно потом мучиться кошмарами. Я и мучилась, признаюсь.

— Честно говоря, я чертовски занят. Присядь, — он кивнул на диван. — Придется подождать.

Послушно опустившись на указанное место, я позволила себе с легким укором заметить:

— Это я уже поняла. Месяц прошел, дияр, с тех пор как я здесь.

— И, судя по отчетам Холлдора, отлично справляешься, — иронично заметил Кассиан, когда уселся за свой стол и с отвращением на лице взял в руки какую-то из многочисленных бумаг. — У нас будет несколько правил, Лора. Во-первых, когда мы вдвоем, обращайся ко мне на «ты» или по имени — Кассиан. Можно просто Кас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.